

ВИТАЛИЙ ПЕРВЫЙ. НО НЕ ПОСЛЕДНИЙ...

Юрий Лейбов не единственный лидер тех лет, очень скоро к нему присоединились Лев Белов и Яков Русаков. Вместе со Львом Беловым выигрывает Лейбов в начале пятидесятых зональный турнир. Здесь уместно будет заметить, что сибирские соревнования со времени Анатолия Уфимцева были коньком омичей. В послевоенные годы успех Уфимцева повторили Евгений Полторанов и Константин Исаков. Потом пришли ученики Исакова. Случилось то, что называется сменой поколений, хотя предыдущее пребывало в далеко не критическом по тем временам шахматном возрасте. Выше полуфинала республики подниматься все же не удавалось, тем не менее шахматный Омск начал понемногу возвращать утраченные позиции. Не без помощи еще одного шахматиста из тридцатых. Имя его – Виталий Тарасов.

В пятидесятые он неожиданно вернулся в город. Из Омска уезжают постоянно, но, чтобы возвращались... Несколькими годами ранее – вдали от родных мест – получил мастера, неоднократно (так же, как позднее Шофман) выигрывал первенство Молдавии и дважды – всесоюзного «Спартака». Сначала в паре с Анатолием Уфимцевым, затем – с Исааком Липницким. Уже живя в Омске, попал в финал СССР. И еще два раза выступал в главном турнире страны, а это – несмотря на невысокие места, занятые им, – показатель для тех лет чрезвычайно значительный.

Играл Тарасов здорово, понимал позицию – еще лучше, беда лишь, время от времени *нарушал режим*. В Омске оказался после очередной передрыги. Описание ее со слов Ратмира Холмова зафиксировано в книге Генны Сосонко «Диалоги с шахматным Нострадамусом». Предварительное замечание: перед случившимся Холмов в качестве спарринг-партнера взял верх над Давидом Бронштейном, готовившимся к матчу с Ботвинником.

«Лучше синица в руках, чем журавль в небе».

Примечание Пешечкина:
Синица-то синицей,
да жалко единицу.

Дружеский шарж
на Виталия
Тарасова
в бюллетене,
издававшемся
во время финала
чемпионата СССР.
1961 г.

«Так и получилось, – продолжил свой рассказ гроссмейстер, – что Бронштейн в 51-м году матч на мировое первенство играл, а меня в том же году дисквалифицировали. За что? Дело было на полуфинале страны. Сидим мы, значит, Тарасов, Нежметдинов и я, выпиваем. Тут две девки пришли. Ну и получается, что Рашид вроде как лишний, он старше нас с Тарасовым лет на пятнадцать был.

...Ты магнитофон сейчас выключи, выключи: представляешь, если моей жене на глаза это попадется...

Ну, в общем, разгорячился Рашид (пьяный был, конечно), вышел на балкон, стал посуду вниз кидать, вазы, тарелки. У Нежметдинова, когда он выпивал, психозы всякие бывали: то под трамвай ложится, то еще что выкинет... Может, тогда ничего бы и не было, замяли бы шум с этими самыми тарелками, но делом заинтересовался Котов. Начал он собирать справки – что да как, дебош, милиция...

А турнир-то ведь важный был – отборочный к зональному первенству страны. Короче, вызывают нас всех троих в Москву, к Родионову, был такой председатель Спорткомитета. Рашид ему прямо в ножки повалился, и его как члена партии решили помиловать, а нас с Тарасовым на год дисквалифицировали. А с меня еще стипендию сняли, я ведь как член сборной команды страны стипендию получал».

В тот ли, в другой ли раз среди злосчастной посуды оказался увесистый графин. Так вот, если верить молве, досталось графином именно Тарасову – когда он попытался вроде утихомирить разбушевавшихся от избытка чувств товарищей.

Ничто не ново под шахматной луной. 92-летнего ветерана двух мировых войн Джека Макгира много позднее описанного Генной Сосонко случая приговорили к пожизненному домашнему аресту за аналогичные действия

в шахматном клубе североирландского города Пелтон Фелл. Макгир сломал челюсть одному из посетителей и разбил бутылку с пивом о голову другого. *«Эти патцеры (пижоны), – оправдывался он, – настолько бездарно разыграли гамбит славного капитана Эванса, что душа старого моряка вскипела»*. Согласитесь, с Холмовым и Тарасовым обошлись еще по-божески.

...Если бы вскоре не подоспела очередная «чистка». Страна начинала приходить в себя после сталинского кошмара, но шахматные начальники продолжали гнуть прежнюю линию. Мастеров, в отличие от тридцатых годов, не тронули, ограничились кандидатами. Добро бы, всеми и ликвидировали бы с концом нелепую эту квалификацию – так нет же... Ни в коем случае! Кандидатская ступенька помогала тормозить претендентов на мастерское звание, означавшее в выстроенной по ранжиру стране не просто спортивную квалификацию, но и некий общественный статус. Стремясь еще больше заминировать подходы к нему, решили опустить на разряд всех, кто не подтверждал звание кандидата в мастера в течение трех лет. А подтверждать-то подчас негде было. И покатались кандидатские головы.

Заодно установили новый норматив. Теперь для выполнения его требовалось, чтобы не менее половины участников имели вышеозначенное то ли звание, то ли разряд, да где их взять?.. В огромной Сибири в какой-то момент осталось шесть кандидатов в мастера. Вместе с другими попали под каток Константин Исаков и Юрий Кузницын. Исаков вернул себе кандидата в шестидесятые годы. Многократный омский чемпион Юрий Иванович Кузницын до конца дней своих ходил в перворазрядниках. Сколько лет жизни ему это поубавило, разве скажешь...

Понять логику действий тех, кто придумывал подобные «чистки», как будто невозможно. Чушь, абракадабра, сапоги всмятку... Советские мастера в пятидесятые годы явно превосходили зарубежных. Стоило кому-нибудь из них прорваться в далекие турниры, как он чуть ли не с первого захода показывал гроссмейстерский результат. Чтобы

придать претендентскому циклу международное звучание, задним числом увеличивали количество участников. Оговоренное предварительно полностью оккупировали наши мастера.

Высок был спортивный уровень и кандидатов. Многие из них не уступали в силе западным мастерам, и если бы представилась возможность разок-другой сразиться с ними... Не случайно Михаил Шофман в сердцах подписал упомянутую публикацию: «...*трехкратный чемпион Молдавии, вечный кандидат в мастера*». Омская газета, не совладав с порядком слов, как-то назвала обладателей промежуточного звания «*мастерами в кандидаты*». Из чувства самосохранения «*мастера в кандидаты*» готовы были землю руками рыть, дабы выбраться из кандидатской ямы. Иди знай, что завтра придет на ум вершителям их судеб...

Но начальников от шахмат можно винить в чем ни попадя, только не в спонтанных решениях, сколь бессмысленными и дикими ни казались бы те на первый взгляд. Они отлично сознавали, что шахматы в определенном смысле независимый мир, очутившись в котором испытываешь довольно своеобразные чувства. Над тобою лишь правила игры, мудрые и справедливые, а уж ты волен ходить как заблагорассудится. Всем демократиям демократия! В стране, где строгое предупреждение: «Посторонним вход воспрещен!» являлось не столько табличкой при дверях, сколько нормой жизни, такое ощущение личной свободы переоценить было невозможно. К тому же язык шахмат – под стать музыке, танцу, научной формуле – не нуждается в переводе, и, значит, нельзя исключить в некоторых вариантах более или менее комфортного перемещения тех, кто в совершенстве владеет им, по другую сторону *железного занавеса*. Так шахматы из досужего, в общем-то, *препровождения времени*, как писал о них «*Степной край*», медленно, но неотвратно превращались в нечто судьбоносное. ...Что, разумеется, было соответствующе оценено *руководством*. При малейшем сомнении подозрительных осаживали. Расчет безошибочный: на восстановление

утраченных позиций потребуется время, а лучшие годы уходят... И у Тарасова уйдут. Вместо годичной дисквалификации он ходил в кандидатах шесть лет.

Не менее важным для советской бюрократии было власть показать. Чтобы все, кто внизу, кожей чувствовали свою зависимость от нее. Известную роль здесь играло то обстоятельство, что правили шахматный бал чаще всего профессионалы-неудачники. Играли они не ахти как (ведущих гроссмейстеров среди них не припоминаю, или те привлекались в основном на парадные функции), но держать нос по ветру умели мастерски. Даже *гроссмейстерски!* Себя, свои привилегии, во всяком случае, никогда не забывали. Судили престижные турниры в престижных местах (по причине чего Омск не мог их заполучить). Часто выезжали за границу, по пути туда-назад обставляя свои фамилии ласкающими слух званиями, – жаль, не могу назвать наиболее сноровистых. Знаком с их деяниями понаслышке, а ошибаться в таких случаях нежелательно. Со временем, чтобы придать своим решениям убедительность приказа, до шахматного главка додумались. Официальное его название было сначала: *отдел шахмат и шашек спорткомитета СССР*. Этот отдел произвели затем в *Управление...* Как-то заглянул туда: обычное учреждение с обычным начальником – Николаем Крогиусом. Но почему-то не по себе стало...

Скажете: надо ли метать громы и молнии по поводу столь скромных персон, как кандидаты в мастера?.. Не все ли равно, как они именуются?.. Но, если отдал шахматам десятки лет, если эта неигрушечная игра составляет главное содержание твоей жизни, удары ниже пояса, на манер описанных, тяжело ранят своей беспардонностью. Никому же не придет в голову требовать, скажем, от пловца или прыгуна в высоту, чтобы он постоянно показывал те же результаты, что в молодости, и на этом основании лишать полученных на пике спортивной формы званий, а в шахматах такое оказалось возможным. И не только в злокачественные тридцатые.

Чтобы обойти ограничения, пускались во все тяжкие. В 1958 году, желая дать возможность победителю сибирско-дальневосточной зоны Александру Зайцеву расстаться с первым разрядом, судивший соревнование Яков Эстрин сыграл с ним матч из шести партий. Мол, наберет очко-другое, можно будет походатайствовать... А Саша возьми да выиграй у мастера. Успокоился Эстрин, когда Зайцев за несколько лет добрался до финала первенства страны.

Не подумайте только, что я тоже из пострадавших от произвола. Никак нет. Наблюдал его со стороны, но ощущение *беспредела* довлело и надо мной. Это же предупреждали, грозили унижением всем – вне зависимости от шахматных званий. Для шахматистов экстракласса придумывали иные удавки: шаг в сторону – и ты невыездной. Как-то встретил на сочинском пляже Спасского. Удивился: он по статусу на Лазурный берег тянул, но без пяти минут чемпиону мира запретили на два, кажется, года выезжать за границу. Что-то где-то не то сказал. Или наоборот – то. Естественно, при первой возможности он покинул СССР. За ним потянулись другие гроссмейстеры – их у нас больше чем где-либо было. Вся шахматная элита мира, за исключением Фишера и Ларсена, на одной шестой тогда сошлась.

Обративший внимание на этот необъяснимый как будто в подследственной стране парадокс, литературовед Ефим Эткинд облек его в форму «*закона сохранения интеллектуальной энергии*». Закона, проявлявшего себя «*везде, где ее почему-либо душили*». Любопытны суждения о нем.

«По-видимому, в культуре дело обстоит так: заткнешь в одном месте – мысль, талант, слово вырвется в другом. Невероятный расцвет шахматной игры в СССР объясняется не только тем, что у нас было много кружков во дворцах пионеров и что шахматы поощрялись партийно-государственным начальством как безопасное интеллектуальное творчество. В послереволюционной Франции появилось сразу несколько блестящих молодых полководцев – генерал Бонапарт был одним из них, рядом с ним

были Гош, Моро, другие. В советское время и Гош, и Моро, и даже Бонапарт стали бы шахматистами. <...> Наши Наполеоны были шахматными гроссмейстерами. <...> Может быть, даже Ленин, живи он при Сталине, занимался бы не партийной политикой, а шахматами.

Среди наших шахматистов много евреев – потому ли, что именно еврейский ум генетически склонен к разработке дебютов и эндшпилей? Евреям давно уже нельзя было работать в дипломатии, продвигаться в армии, заниматься теоретической физикой. Надо ли удивляться тому, что мальчишки из еврейских семей увлекались шахматами и становились мастерами? Интеллектуальная энергия устремлялась в такие области, где она могла найти наиболее полное применение».

...С вершин да в наши палестины. Омск в начале пятидесятых тоже имел в перспективе разве что кандидатский уровень. Более достойных примеров не просматривалось. И вдруг является Тарасов... И восстанавливается связь времен...

Приезд мастера такой силы далеко не гарантия, что шахматные дела в городе непременно пойдут в гору. Бывает, все ограничивается кратким пребыванием имярек между турнирами, а высокие результаты в далеких соревнованиях до поры до времени прикрывают, камуфлируют ставшее хроническим прозябание. Виталию Георгиевичу такого упрека не бросишь. Он играл в большинстве значительных омских турниров. Каждый из ведущих шахматистов города не раз за доской встречался с ним, учился у него, старался приблизиться к его уровню. Порой это называют *школой*. Нет ее, нет образца, на который можно равняться, – и ничего нет. Хоть расшибись! Без такой высокой планки вряд ли случился бы последующий взлет омских шахмат.

Сыграли мы с ним в турнирах партий десять, не меньше. В доброй половине из них я капитулировал, сделал несколько ничьих, пару раз взял верх. Дело, впрочем, не в арифметических выкладках, а в ощущении, которое

**Виталий
Тарасов**

постоянно сопровождало меня, когда садился за доску напротив него. Другие шахматисты – все равно, сильнее они или слабее, – просто соперники, а здесь – будто экзамен сдавал. Какое-то необычное волнение. И удовлетворение. При любом результате.

Отдавая должное прекрасному мастеру, нельзя не вспомнить снова тех, кто – каждый по-своему – посодействовал шахматному

возрождению города. Да, наших лидеров почти на нет выкосили террор и война, но показательно, что им на смену заступили прежде всего шахматисты, прошедшие школу Уфинцевых, – Виталий Тарасов, Рафаил Лаптев, Константин Исаков. Более десяти лет пришлось ждать результатов, да куда ж они денутся от влюбленных в древнюю игру людей?.. Когда в пятьдесят девятом в Омске состоялись отборочные соревнования могучего в то время спортивного «Труд», как в одном, так и в другом полуфинале победили омичи – Лев Белов и Яков Русаков. Важен был даже не результат, а то, что добились они его, как говорят спортивные комментаторы, *за явным преимуществом*. Оставалось оформить мастерское звание...

Но прежде отличился Тарасов. Оправившись от дисквалификации, он в Перми, в финале XX первенства РСФСР, набрал столько же очков, сколько выступавший вне конкурса ленинградец Тайманов, и стал чемпионом республики. Как Петр Измайлов до него. Как Виталий Цешковский, Яков Русаков, Марат Макаров после него. Если же быть верным букве (Измайлов и Макаров жили тогда уже вне Омска; Русакову чемпионское звание так и не присвоили), придется оставить из этого перечня только Тарасова и Цешковского. Виталия первого и Виталия второго. Красивое имя выбрал Омск для своих чемпионов.